

84 Окуневская
Лавьяна

3.03.04

Сегодня выдающейся русской актрисе Татьяне Окуневской, звезде культовых картин тридцатых-сороковых годов — «Пышка», «Майская ночь», «Горячие денечки» — исполнилось бы девяносто лет. Ее дочь Инга Суходрев любезно согласилась предоставить «Известиям» не опубликованные отрывки из дневников Татьяны Окуневской и вспомнить неизвестные подробности из жизни Татьяны Кирилловны. С Ингой СУХОДРЕВ встретился корреспондент «Известий» Артур СОЛОМОНОВ.

— Как вы думаете, Татьяна Кирилловна писала свои дневники в расчете на то, что их прочтут?

— Думаю, да. Она всегда и во всем оставалась актрисой. И до последних дней в ней это не угасло. Вот, кстати, случай, подтверждающий, насколько она стремилась к красивым, театральным жестам. У нее было прекрасное кольцо бриллиантовое, которое она долгие годы носила. Помню, я пришла к ней в предпоследний раз. Она лежала на диване, увидела меня, сделала царственный жест рукой, сказав: «Вот видишь, как я похудела», — и сбросила кольцо с пальца на одеяло. Это был ее прощальный дар. И, конечно, в своих дневниках она тоже не перестает быть актрисой. Если бы она не хотела, чтоб дневники прочли, то уничтожила бы их — у нее было для этого время.

— Для вас чтение дневников было открытием, вы узнавали нового человека?

— Это было не открытие, а потрясение. Я, конечно, всегда понимала, что мама — человек талантливый, сложный и неоднозначный. Быть может, ее в конце жизни даже раздражало, что я перестала реагировать на ее выпады.

Она ведь могла в себя влюбиться и абсолютно от себя отстраниться. В английском есть очень хорошее слово «challenge». Вызов, провокация! Даже в компании, в общении с друзьями она была как вызов. И друзья внука моего очень любили с ней разговаривать. Она возбуждала мысль, эмоции. Кажется, влюблять в себя мужчин и, кстати, женщин ей не составляло никакого труда. И ненавидели ее тоже люто. Ее и гоняли из лагеря в лагерь из-за ее вызывающего поведения.

Когда я приехала навестить ее в лагерь, то сразу поняла, что ее ненавидит начальник лагеря и начальник режима. Ее лично! Она себя с ними вела совершенно бескомпромиссно. Меня долго к ней не пускали. Наконец я добилась встречи. И, помню, как иду по берегу озера, рядом ограда, на которой висят бабы-заключенные. Они меня, пока я шла, обсудили так, как ни один мужик не обсудит. И вдруг я вижу: прямо к озеру выносят стол, накрывают, выходит красивая, подтянутая мама, а комендант перед ней просто на лапках прыгает: «Татьяна Кирилловна, а вам здесь удобно, а чем вам помочь?» Она махнула рукой в сторону баб, что висели на оградке: «Уберите пожалуйста». И он побежал как бобик!.. Мама, конечно, в этом умении заставить людей быть к себе неравнодушными — или любить, или ненавидеть — была уникальна.

Мне повезло и помимо мамы встречать талантливых людей — они все сложные, одаренный человек и не может быть простым — без всяких «закидонов», «тараканов». (Смеется.) Конечно, и эти дневники, где она наедине с собой, несут след и ее таланта, и ее характера. Но и для меня, которая знала ее столько лет, была масса сюрпризов. Например, есть записи по поводу меня, которые я не могу понять. «Сказала Инге в день ее сорокалетия:

Какое счастье, что я не гений. После смерти в моем дерьме не будут копаться сотни людей.

Как не просто плох, а почему-то отвратителен «Голубь мира» Пикассо. И сам Пикассо, и голубь.

Сталин — не великий политик, а великий хитрец. Хитрец, который почувствовал нацию, созданную религией, любовью к царю, верой в него, верой в слово... А Горбачев своим комсомольско-коммунистическим мышлением вместе с под стать ему дружкой типа Лигачева решил подвинуть камешек в основании дома, чтобы продлить жизнь своей идиотской идее. А дом-то и рухнул. Ему же на башку. Да и как вообще мог просто порядочный человек столько лет жить в этом месиве?

Не то чтобы я просто постарела, как мои сверстницы, а просто у меня стало лицо другое. Другое, и надо его понять.

Интересно, что связь с небом легче и ярче в связи с выпивкой.

Поняла, почему я без возраста — у меня сохранились юные эмоции.

За границей я, наверно, влюбилась бы во всех полисменов и таможенников — такие они вежливые.

Наркотики, водка освобождают от забот, от ответственности перед жизнью. Это блаженство, как в любви. Ни о чем не думаешь, все нереально, а реальное — выпукло.

Хочу, чтоб моя книга читалась, как слушают цыганский романс, как грызут семечки.

В Европе юноша быстро становится господином. А у нас чуть не до гроба так и остается мальчиком — только облысевшим, подохшим или ожиревшим.

Чтобы быть артистом, нужно уметь разговаривать на сцене с партнером, как с человеком в жизни. Держать нить его мысли, понимать, что он говорит, отвечать, помня, что он сказал.

Влюбленный человек с дамой своего сердца в трамвае. Его просят передать сдачу. Он с восторженной, влюбленной улыбкой кладет сдачу себе в карман и говорит «спасибо».

Лицо — это жизнь души, но когда надо скрыть эту жизнь, нужно жить двойной жизнью. Трудно. Начало развала интеллекта.

Актриса — это, наверно, концентрат эгоцентризма. И чем актер эгоцентричнее, тем гениальнее. Он же для се-

Инга Суходрев о своей матери: «Она почти маниакально занималась собой и своим здоровьем». Тридцатые годы

Татьяна Окуневская: «Чтобы оставаться настоящей женщиной, она должна заниматься только сама собой, не растрчивая себя на быт». Тридцатые годы

«Я не постарела, как мои сверстницы, просто у меня стало лицо другое»

К 90-летию
Татьяны
Окуневской

«Вот сейчас тебе столько лет, сколько было мне при освобождении». Инга что-то удивленно вспомнила, поняла на мгновение и все забыла. Пустота. Ни раскаяния, ни разговора, ни извинений.

Почему? Какое у меня должно быть раскаяние? Какие извинения? Столько, как выяснилось, непроговоренного... После освобождения она у меня год жила, мы ее чудесно приняли. Она умудрилась испортить отношения с моим мужем и его родителями... А в дневниках столько всего резкого о деятелях искусства, о политиках, о близких людях, о бывших мужьях — Варламове, Горбатове...

— Видимо, она в хорошем настроении просто не писала.

— Судя по дневнику, она никогда не была в хорошем настроении. (Смеется.) Но если серьезно, то она говорила мне: то, что она писала в шестидесятые годы и в конце жизни, — по существу, ее убеждения, ее мысли остались неизменны.

(Инга Дмитриевна открывает по закладке страницу дневника, и мы читаем.)

Хорошо, когда есть близкие люди, но плохо, когда они — недалеко.

Театры создавались режиссерами, влюбленными в своих артистов и в их стиль. Станиславский — это Качалов и Книппер; Мейерхольд — Царев, Райх; Вахтангов — Симонов, Мансурова; Эфрос — Дуров, Волков, Яковлева; Любимов — Высоцкий, Золотухин, Славина. Как заметно деградирует актус, стиль.

Теперь, пройдя через все это, я должна знать, что же меня пленило в Варламове, Горбатове. Не просто же это так... Были же и без любви лучшие варианты.

Я проплыла невидимой тенью мимо всех мужчин, которых встретила в жизни. Боже, какие они все до одного неинтересные!

Начинаешь думать о смерти, как она бессмысленна, если приходит к человеку, полному сил, и как ничтожно ждть ее уже немолодому человеку.

для своего счастья играет. И то, что он людям приносит радость, — тоже для своего счастья. А в жизни? Если я делаю добро, тоже для своего счастья. Значит, это тоже эгоцентризм. И надо воспитывать это в себе. Эгоцентризм — высшая возможность показаться человеком.

— Эгоцентризм она в себе и воспитывала?

— Про себя мама писала: «А я сверхэгоцентрична». И это было так. Помимо сосредоточенности на искусстве, она почти маниакально занималась собой и своим здоровьем — маски, гимнастика, лечебные ванны...

— Я слышал, что она и в лагере делала себе маски.

— Я очень часто посылала ей в лагерь кремы, лосьоны... И она в восемьдесят пять лет решила сделать подтяжку! Я умоляла ее: «Мама, в твоём возрасте подтяжка — это такой риск! Общий наркоз, ты потеряешь столько крови!» «Нет, если я не сделаю подтяжку, я на телевидении больше не покажусь». И ей во время операции занесли гепатит С. От него она и умерла, укрыв у себя несколько лет жизни.

Ей надо было показываться на телевидении, она пользовалась огромной популярностью, рассказывала про себя много, в общем-то полумифологических вещей. Но чтобы создать о себе миф — для этого огромный талант нужен.

— Что вы имеете в виду?

— В ее книжке «Татьянин день» много написано вещей, которые ей подсказывала фантазия. Но она и назвала ее «автобиографический роман», давая себе право драматизировать собственную жизнь...

Например, ее история о том, что сделал с ней Берия. Не берусь утверждать, но я почти уверена, что это — миф. Вот почему. У меня в классе была девочка, которую с пятнадцати лет возили к Берии. Она мне об этом рассказывала. А я маме рассказала о связи моей одноклассницы с Берией. И я вижу, как в ее книге по деталям проходит рассказ об этом, но главная его героиня — она. Берия бы тогда, мне кажется, не осмелился на такое. Во-первых, Горбатов был вхож к Сталину. Во-вторых, мама села по конкретному поводу: она встречалась с иностранцем.

— Зачем ей нужно было эту историю с Берией придумывать? Вроде бы тут и приятного мало, и славы не прибавляет.

— Я думаю, это ей нужно было, чтобы еще раз унизить Горбатова. Ведь она его описывает в этой истории полным подлодом, слабаком, который бегал по комнате, сокрушался и ничего не предпринял.

А у начальника охраны Берии Саркисова был полный список женщин, которых привозили к Берии. Окуневской там нет.

Она ведь за несколько дней уже знала, что ее арестуют. Знала, что за ней следят. И за три дня она, сев на кровать, смеясь, мне сказала: «Ой, кажется, меня арестуют». Я заплакала и сказала: «Мама, о чем ты говоришь, а как же я?» — «А о тебе Борис позаботится».

На встречу с этим человеком после ареста мамы меня привез наш шофер, и разговор с ним шел о том, что он хочет обратиться к Молотову с просьбой меня удочерить. (Но шофера за это арестовали.)

Но, конечно, в книге об этом иностранце ни слова. Мама не хотела, чтобы создавалось впечатление, что ее взяли по «неполитическому» делу. Хотя она, конечно, говорила о Сталине жуткие вещи, говорила где надо и где не надо, она действительно ненавидела этот строй. А как его можно было любить, если твоего папу и твою бабушку расстреливают? Но прямая причина — та, о которой я сказала. Этот иностранец был очень интересным мужчиной. Для мамы образцом мужчины был Антони Иден, министр иностранных дел Великобритании, и этот человек приближался к этому образу.

— Они встретились, когда Татьяна Кирилловна вышла из заключения?

— Да, но она очень холодно к нему отнеслась. Хотя и поддерживала светские отношения. (Инга Дмитриевна откладывает в сторону одну тетрадь и берет другую, менее ветхую.)

История вещей: я делаю гимнастику на куске маминого свадебного одеяла. Меня под ним зачали восемьдесят лет назад.

Почему сейчас весь мир утопает в наркотиках, а у нас пьянство? Почему кончились мужчины? Почему столько завихрений в мозгах у людей? Столько сумасшедших и самоубийц? Не приспособленность ли это к новой техни-

ке, ее требованиям, не самосоздание ли этой же техникой и эти отступления как самозащита?

Все оказывается сравнительным. Надо это видеть как бы со стороны. Я великая по сравнению с Лядиной, Смирновой, Мансуровой, Мордюковой. Все юбилеи сравнительны. Юбилей Гурченко — такой беззвучный, плохо поставленный, просто глупый, в расчете на сегодняшней народ. И поэтому юбилей Хазанова кажется интереснее — он талантливее, продуман, поставлен. И премия «Триумф» — она хотя бы достойная и с хорошим вкусом.

Что опять с режиссером Муратовой, с ее картиной «Увлечения»? Три раза пыталась посмотреть, это невозможная скука. Кто опять двинул мощной рукой? Да и все ее фильмы — кривлянье.

Появился на «Эхе» Варгафтик. Как везде нужен талант. У него — в интонации, в манере, во вкусе, в ясности. Даже на радио это видно.

Конечно, обычным женщинам нужно рожать, и не одного. Это такая радость и счастье воспитывать поросль, если в семье любовь.

А.С.: Но это, наверно, просто совет.

— Да, сама она так не жила. Так как у нее после первого брака любви не было, то ей просто не пришлось так жить.

— Трудно было быть дочерью Окуневской?

— В детстве вообще не ощущаешь трудностей или несправедливости.

— Но ведь все равно сравниваешь свою жизнь с жизнью других детей.

— Сравниваешь, но потом, когда уже взрослым становишься. Конечно, она не была такой мамой, как другие. Она уже была звездой. Конечно, ее обаяние распространялось и на меня, я была влюблена в ее красоту, смотрела, как она одевается, красится. Но у меня даже в детстве были с ней довольно жесткие столкновения... Вызывали ее в школу, я ведь озорной была. Изредка она приходила — учителя ее не любили, как вообще не любят

учителя красивых мам. Но со школой мне повезло, она была замечательной — там учились дети Молотова, Сталина. У нас были старые гимназические преподаватели, это абсолютно другой класс учителей. И когда маму посадили, они меня взяли под свое крылышко. Никакого пренебрежительного отношения к дочери репрессированной, напротив, оно стало более бережным.

— Татьяна Кирилловна как-то пыталась повлиять на ваш выбор профессии?

— Вообще-то ей было не до меня. Меня бабушка воспитывала. А мама меня наказывала ремнем. И не один раз. Ее так наказывал дедушка, и она считала, что это правильное воспитание.

— Как складывались ее отношения с друзьями?

— Друзья у нее были все-таки из поклонников. Всю жизнь у нее друзья приходили и уходили. Она была гостеприимной и хорошо принимала, но ко всем относилась с огромными внутренними требованиями. Некоторых она просто терпела с юных лет, потому что они давние друзья, хотя кое-кого считала полными дураками. Но если кто-то делал что-то не так, с ее точки зрения, она тут же этого человека вычеркивала. Не выжила отношений. Просто — отставляла. И часто человек не понимал вообще, что произошло. И часто она бывала не права. Она была фантастически субъективной — ей бесполезно было что-то доказывать, убеждать в чем-либо.

(Читаем ее высказывания об искусстве — они так же бескомпромиссны):

Пошла в театр Виктока из-за Фрейдлих. Ничего, кроме омерзения, не вызывает, и даже Фрейдлих превратил в придаток к спектаклю. Нельзя создавать театр о половой жизни.

Полное собрание сочинений Пушкина. Я выберу такие стихи, что Пушкина никто не узнает. Нужно издавать избранное.

Идешь со своим Богом, переходишь границу, а там — другой.

Как я себя люблю — пьяненькую, остроумную! Чувствую себя блистательной!

Инга Суходрев о своей матери: «Сумасшедшее женское обаяние, сексуальность и ум покоряли почти всех мужчин, с которыми она встречалась». Тридцатые годы

Инга Суходрев о своей матери: «Настоящие мужчины, с характером, даже влюбленные безумно, не могли ее долго выдержать»

Дочь сказала: «Я не Окуневская, я Варламова» — и вскоре дарит мне мое письмо к ней (из лагеря. — «Известия»), полное такой нежности.

А.С.: Что это было за письмо?
— Она мне в сорок девятом году, когда мне было шестнадцать лет, из лагеря прислала письмо, где учила: как причисываться, как начинать день — с каких гигиенических дел, что делать вечером. Тогда мне и в голову не пришло обратить внимание на несколько запоздавшие поучения. А сейчас мне смешно стало: почти семнадцатилетнюю девушку учат, как это все делать! К таким вещам мать приучает дочь в три-четыре года.

— Похоже, для нее в лагере стало столь важным поддержание формы, что она адресовала вам такое письмо.

— Именно! Тогда мне не пришло в голову это анализировать. А сейчас подумала: «Бог ты мой! Я же через год замуж вышла!» Она просто забыла, что я уже не ребенок была.

(В следующем дневнике — синий тетради — находим подтверждение тому, о чем говорили с Ингой Дмитриевной, — об отношении Татьяны Окуневской к предстоящему аресту.)

Арест. Почему я не умею смотреть опасности в лицо? Что это — отчаянное бесстрашие? Или легкомыслие? Или тупость?

Нельзя грубо развенчивать идеалы. Последний портрет Хемингуэя ужасен. То же с Гретой Гарбо. Не хочу!

Держу в руках две статьи, и меня охватила дрожь от падения уровня журналистики. Кто эти журналисты? Кто эти дамы? В некоторых местах просто понять невозможно, о чем идет речь. Полное отсутствие не только культуры, а обычной интеллигентности. Если статьи покупные, то от каких хозяев, зачем? А где редакция?

Какой-то умник сделал день рождения Ленина проклятием (субботник).

А я и не хочу общей любви, а только от тех, кого я хочу, чтобы меня любили.

Мода — это плохо, теряешь индивидуальность.

А.С.: Но она следовала моде?
— Нет. У нее был свой стиль, она очень красиво одевалась. К ней приезжала полячка-портниха и шила ей

роскошные туалеты. Но даже тогда мама шила вызывающе эпатажные туалеты. У нее, например, было платье с вырезом на животе. Одевалась она роскошно: парча легкая, отделанная собольим мехом, много других изысканных одеяний... И когда она была уже небогатой, все равно одевалась очень изысканно.

— И поклонники, наверно, ходили толпами. Просто я вижу замечание забавное про поклонника.

В ресторане ВТО мимо меня ходил поклонник, и, глядя на меня, тихо говорил: «Такого больше не будет».

Какой-то иностранец был удивлен, что у нас во всех комнатах неэкономно горит свет. Ему невдомек, что у нас в каждой комнате живут чужие люди.

У художника судьба складывается от эпохи. Не мы разгадываем Шекспира, а он нас.

Боже мой, какой стыд, какое говно — разгулы за границей: ездить, урывать, хватать.

Мы так и шагаем всю жизнь — бодро, на месте.

Шизодуховные.

Счастье жизненное — любить интересных людей и дружить с интересным человеком. У меня были интеллигентные и хорошие, а интересные — мало.

Интересной любви и дружбы у меня не состоялось. Жизнь развела.

А.С.: Вы считаете это замечание справедливым?
— Вы знаете, она действительно почему-то считала, что ее окружают люди не очень интересные. Хотя бы

— А ей зачем нужен был союз с Горбатовым?

— Он для нее пьесы писал, сценарии. Он ей нужен был для творческой карьеры. Материальная сторона ее волновала меньше — хотя она пользовалась роскошной квартирой, двумя машинами, шофером, домработницей, общественным положением, приемами. А вот какие-то перспективы в смысле картин, работ в театре — это для нее было очень важным.

— Какие у вас были отношения с отчимом?

— Он ко мне прекрасно относился. Очень мне помог. Если бы не он, не знаю, что бы со мной было. При поступлении в университет мне вlepили тройку по английскому, который я очень хорошо знала. Потому что тогда в университет не принимали детей арестованных. И он добился, чтобы меня приняли с пересдачей английского в другой институт. Да и вообще он меня и бабушку, маму Татьяны Кирилловны, содержал. Он отправлял меня отдыхать, потом нежные письма писал, называя меня «доченькой». У меня о нем самые лучшие воспоминания. Никаких женщин он домой не приводил. В этом отношении был очень порядочным. А когда я вышла замуж, он мне устроил роскошную свадьбу, отдал мне комнату.

Потом у него случился инфаркт. За ним ухаживала Архипова, и, боясь, что я ему напоминаю о маме и он будет нервничать, не пускала меня к нему. Она там осталась, родила двойню. Вот так он женился. Мама считала, что он ее предал. Мама так верила в его любовь, что ей это показалось предательством. Хотя она была не той женой, чтобы свято хранить верность. Для Горбатова это был единственный шанс, чтобы иметь нормальную семью и детей.

А когда я лежала в роддоме, он умер, но меня на похороны просто не пустили.

Мама могла бы простить ему это «предательство», ведь он спас жизнь мне и ее маме, практически спасал и

Татьяна Окуневская: «Как я себя любила — пьяненькую, остроумную! Чувствую себя блистательной!» 1946 г.

ли люди вокруг очень значительные, но из самоуважения им приходилось отходить от нее. Настоящие мужчины, с характером, даже влюбленные безумно, не могли ее долго выдержать. Она очень подавляла своей личностью.

— Укрощения строптивой так и не произошло?

— Нет, что вы!

— Она хотела этого?

— Она этого хотела, но никогда бы этого сделать не смогла. Она бы не поступилась собой, своими интересами в ущерб кому бы то ни было. Хотя, конечно, абсолютно сумасшедшее женское обаяние, сексуальность и ум покоряли почти всех мужчин, с которыми она встречалась.

Я убеждена, что она любила моего папу. Она сама пишет: «В молодости все кажется прекрасным. Не с чем сравнивать». Вот в молодости она и влюбилась в моего отца. Он был кинорежиссер, а у нее была «идея фикс» — стать звездой. И, слава Богу, я на свет появилась — ведь потом от своего мужа Бориса Горбатова она не желала никаких детей. Вообще Горбатова она третирует.

— Зачем ему это было нужно?
— Он ее безумно любил. Мама, конечно, очень много мужчин пленяла: красавица, талантливая, звезда, эксцентричная. Столько мужчин голову теряли...

ее — ведь все посылки, которые мы посылали ей в лагерь, оплачивал он. Хотя бы за это можно было его пощадить в книге. Вот эту неблагодарность я не понимаю. Наверное, людям, которые посвящают себя высоким целям, не до таких мелочей. Они идут к ним, не думая о том, кто тебе сделал хорошо, кто плохо. Она же пишет: «Что меня спасло? Цель».

Ну а Горбатов писал: что бы там ни было, но он счастлив, что испытал такую любовь. Мама же писала: «За что я так третирую Горбатова? За то, что, не любя, я с ним живу».

(Инга Дмитриевна достает последнюю тетрадь и читает.)

Ах, мой великий русский народ! В Евдокимове старушка зовет домой нежно свою корову: «Голубка, голубушка». Та не идет. Старушка про себя: «У, бладь такая!» И пастух кричит рядом тоже: «Блядь!» И коровы побежали. Даже коров приучили!

Города — как люди: хорошие, плохие, любимые, не любимые. Как мечта, как обращение.

Любовь — надстройка над половым актом, дружба — над заинтересованным общением людей.

Глупость виднее ума.

На спящем можно наблюдать породу, национальность всех далеких предков. Спящий Горбатов — еврейский иудей. И я, выпившая, — в зеркале: на лице все Окуневские, все литовские, польские предки. И мамино плебейство во вдрог потоплстевшем носе.

Танцы тоже, как и все остальное, определяют век. Сегодняшние танцы безобразны. Человек кривляется, танцует для себя, плещет на партнершу, которую дамой не называет.

Дожигаю свечу из Церкви — и так радостно.

Никто не знает, какая я одна дома. Одна, танцую, лежу, не двигаясь, полусог (после пьянки). Пою, редко с оркестром по радио. Вдруг хочу хромать, паясничать. И это не актерское. Я рождена для движения, для разрядки. Совсем не читаю — как чтение. Как бы хотелось посмотреть и других, когда они сами с собой (скрытой камерой). Даже просто выражение лица: не на людях, не сделанное.

Женские стихи всегда из менструального цикла.

К старому чувству не надо возвращаться. Оно было тогда. Тогда возникли биотоки. Лгут ли люди, говоря, что они его сохраняют? Или принимают его не понимая?

У ТВ есть одно преимущество: люди, которые даже в школе не прочли ни одной книги, узнают, что есть на свете искусство, жизнь. А надо ли? Пусть так бы и жили, как живут.

По отметкам в программе телевидения — что надо смотреть — можно определить человека...

А.С.: Если попробовать описать ваши отношения с Татьяной Кирилловной как кардиограмму — с самого начала и до ее смерти, — как бы она выглядела?

— Предынфарктное состояние и — на лечение. И так постоянно! (Смеется.) А в конце ее жизни амплитуда просто спустилась вниз.

Ее недовольство мной выразилось даже в том сне, который она описала в своем дневнике (уж не знаю, был этот сон или это ее фантазия): она умерла, и я ее кладу в гроб. Ей очень неудобно. Она встает, поправляет себя и сама очень удобно укладывается...

И позднее бесконечное ее обаяние в силу многих жизненных обстоятельств на меня перестало действовать. И мы стали с ней разговаривать на равных. Она этого не терпела.

Наверное, когда ребенок вырастает один, без матери, какие-то важные, почти физические связи уже трудно установить. И юность я тоже без нее провела. Ведь мне было пятнадцать лет, когда ее арестовали. А когда она вернулась, я была уже сложившимся человеком: с мужем, с двумя детьми. И человеком, который ее, вероятно, не очень устраивал.

Пятидесятые годы. После освобождения из лагеря

Были периоды очень хорошие, особенно поначалу, когда она вернулась из лагеря. Она заняла очень большую часть моей жизни, как только она умела. А в какой-то момент я это сбросила и стала жить своей жизнью. И мы разбежались — ее жизнь была полна романов, творческой энергии. А потом ей захотелось снова все вернуть, а это было очень сложно.

— Кардинальных изменений в ее характере произошло?

— Нет. Хотя она и пишет, что стала более терпима, но мне кажется, что этого не произошло. И нередко ее дерзость переходила в агрессию. Ее близким было очень не просто.

— Помню, я делал с ней интервью по поводу Любови Орловой. Заболел тогда гриппом, температура была высокая, поэтому предупредил ее по телефону: «Татьяна Кирилловна, я заболел и очень туго соображаю». Она говорит: «А вы уверены, что туго соображаете только когда болеете?» Я сделал паузу, которая невольно подтвердила ее слова. «Вот-вот, и подумайте об этом», — сказала она. Но обидеться на нее было невозможно.

— Ну, это постороннему человеку, а близким было трудней. Мама говорила: «Моя дочка — антипод, она рассудочная и расчетливая». (Смеется.) На самом деле во мне больше здравого смысла, а у мамы при ее силе характера и таланте здравого смысла часто не хватало. Она делала многие вещи вопреки собственной выгоде, чувству самосохранения. Мама часто со мной советовалась, и когда я давала совет, все равно она делала по-своему. Мой совет как бы подтверждал, что мол, раз ее «антипод» думает иначе, значит, она точно права! Но она попадала из-за этого в сложные жизненные ситуации.

— Над бытом она, наверно, предпочитала парить?

— Мама чистюля была необыкновенная. У нее всегда была чистота медицинского кабинета. Она могла в восемьдесят лет, перед днем рождения, вымыть зимой балкон.

Но в то же самое время она писала: «Чтобы оставаться настоящей женщиной, она должна заниматься только сама собой, не расстраивая себя на быт». Может быть, она и права. Но я пошла по иному пути: в работе всегда была творческим человеком, но дому, семье, мужу уделяла не меньше внимания. Думаю, этот, по моему мнению, неверный расход жизненной энергии раздражал во мне.

Она очень много читала — не только то, что ее интересовало: о здоровье, о последних достижениях в медицине, мистику. И о звездах, которые были для нее образцом: Грета Гарбо, Марлен Дитрих, Симона Сеньеро. О политике она узнавала по радио, потому у нее было включено практическое крупноточное.

Последнее время она очень тяжело болела, и, к моей огромной печали, что бы я ни делала, чтобы облегчить ее страдания, она считала, что я делаю ей все назло. Это, конечно, объяснимо, но очень грустно.